

Переодевшись, Ши Цзинь вкатил кресло Лянь Цзюня в обеденный зал, расположенный ближе всего к их вилле.

Зал был просторным, с закрытой и открытой зонами, и был оформлен в островном стиле. На каждом столике стоял букет свежих цветов. Простые, но изящные зонтики затеняли столики на улице. Все здесь радовало глаз.

Вокруг суетились люди в униформе официантов. Заметив Лянь Цзюня, они останавливались и один за другим приветствовали его с хорошо отработанной дисциплиной.

Лянь Цзюнь жестом велел им не обращать на него внимания. Они вернулись к своим обязанностям, непринужденно болтая и смеясь.

Ши Цзинь с любопытством наблюдал за ними, немного удивленный. Если бы не отточенные движения этих официантов, он бы подумал, что это обычный ресторан на курортном острове, а не столовая преступного синдиката.

Лянь Цзюнь указал на столик на улице, давая знак Ши Цзиню подвезти его туда. Устроившись за столом, он взял меню. Протянув его юноше, он сказал:

— Здесь готовят отличный фруктовый пирог, не хочешь попробовать?

Ши Цзинь перестал разглядывать узоры на навесе над головой и пробежался глазами по длинному списку блюд в меню. Он ошеломленно спросил:

— Сколько же поваров вы наняли?

— Ни одного, все повара здесь — наши люди, — ответил Лянь Цзюнь, попросив принести два стакана сока.

Ши Цзинь недоверчиво переспросил:

— У нас есть кулинарный отдел?

Лянь Цзюнь, довольный тем, что юноша использовал слово «мы», откинулся в кресле и ответил:

— Нет, ничего подобного. Они сами открыли всевозможные школы и учебные центры, и сами же ими управляют. Рано или поздно мои люди освободятся от этой пропитанной кровью жизни. Я хочу, чтобы они могли сами обеспечивать себя в обычном мире.

Ши Цзинь впервые слышал, чтобы Лянь Цзюнь говорил о внутренних делах «Аннигиляции». Раньше он просто тренировался и выполнял задания, не вдаваясь в подробности. Он не смел задавать слишком много вопросов или выведывать информацию, опасаясь, что это воспримут в штыки. Но раз уж Лянь Цзюнь сам поднял эту тему, Ши Цзинь не удержался от вопроса:

— Цзюнь-шао, вы планируете трансформировать всю «Аннигиляцию»?

Лянь Цзюнь кивнул и пододвинул к Ши Цзиню один из стаканов, принесенных официантом. Поняв, что юноша не собирается выбирать еду сам, он заказал фирменный фруктовый пирог и кашу с морепродуктами, а также несколько легких закусок для завтрака. Когда официант ушел, он ответил:

— Мои люди прошли со мной через ад и вернулись обратно. Я хочу выйти из тени и,

естественно, собираюсь забрать всех с собой. Люди преступного мира не бросают своих братьев.

Это были самые «мафиозные» слова, которые Ши Цзинь когда-либо слышал от Лянь Цзюня. В этот миг он словно увидел его в новом свете.

«Аннигиляция» была крупнейшей преступной организацией в Китае. Она обладала значительной властью в странах по всему миру, а число ее членов было поистине астрономическим. Было страшно даже представить, каково это — взять на себя ответственность за всех этих людей и их будущее.

И хотя Лянь Цзюнь был молод и слаб здоровьем, он обладал всеми задатками великого лидера.

Ши Цзинь сделал глоток сока. Он посмотрел на Лянь Цзюня глазами, полными восхищения, и продолжил:

— А сколько у нас таких школ? И чтобы прокормить столько людей, нужно много рабочих мест. Получается, вам нужно не только избавиться от статуса босса мафии, но и стать президентом международной корпорации?

Этот вопрос можно было расценить как попытку выведать текущее положение дел в «Аннигиляции» и то, как продвигается её трансформация. Но Лянь Цзюнь знал, что Ши Цзинем движет простое любопытство, и ответил прямо:

— Их много, и постоянно открываются новые. Наша деловая сеть также постепенно расширяется. Однако тебе не нужно этого знать. Ты находишься рядом со мной — а это не только самое опасное место, но и место, где есть риск быть схваченным. Подробности строго конфиденциальны. Во избежание утечки информации, ты не должен об этом расспрашивать, особенно здесь.

Ши Цзинь взял ломтики фруктов, украшавшие стакан, и сжевал их. Он вспомнил бесконечные кипы документов, которые Лянь Цзюню приходилось утверждать лично, и то, как Гуа Первый и остальные редко упоминали о внутренних делах «Аннигиляции». Понимающе кивнув, он сказал:

— Разделение информации, понятно. Даже если появится предатель или шпион, он сможет получить лишь ограниченный объем данных.

Именно это Лянь Цзюнь больше всего ценил в Ши Цзине: хотя юноша мог быть темпераментным, он всегда был собран, когда дело касалось его обязанностей и критически важных вопросов. Он был благоразумен, знал границы дозволенного, не задавал лишних вопросов и не ломал голову над тем, что его не касалось. Он видел картину в целом и был достаточно «толстокожим».

Такой человек был отличным выбором — в качестве подчиненного, друга, в качестве...

— Цзюнь-шао? Цзюнь-шао? Наш завтрак принесли. Ешьте скорее, а то остынет.

Рука, махнувшая перед его глазами, вырвала Лянь Цзюня из раздумий. Оказывается, он настолько расслабился, что позволил себе витать в облаках в присутствии Ши Цзиня. Он на секунду замер в изумлении, затем одарил юношу глубоким взглядом. Выпрямившись, он взял ложку и помешал кашу с морепродуктами, которую пододвинул ему Ши Цзинь. Спустя мгновение он неожиданно произнес:

— Ши Цзинь, есть вещи, которые, я считаю, ты имеешь право знать, чтобы сделать выбор. Трансформация состоит из двух частей. Первая — это преобразование доходов и бизнес-структур. Это не сложно осуществить, лишь вопрос времени — правительство поддерживает нас в достаточной мере, чтобы закрывать глаза на многие вещи, к тому же у нас много капитала. По-настоящему сложной является вторая часть.

Ши Цзинь, с набитым фруктовым пирогом ртом, спросил:

— Какая?

Лянь Цзюнь невольно позабавился, глядя, как юноша пытается выглядеть серьезным, уплетая еду за обе щеки. Его тон, еще секунду назад бывший суровым, смягчился:

— Это смена нашей «идентичности». Как бы ты описал «Аннигиляцию»?

Ши Цзинь проглотил кусок пирога и нахмурился:

— Крупнейшая легальная преступная организация в стране? Которая еще и сотрудничает с правительством... Как-то так?

— Более или менее, — Лянь Цзюнь снова помешал кашу. — Но история учит нас, что если общество хочет стабильно развиваться, процветающие преступные организации — даже узаконенные — становятся излишними. Мы — сущность, обреченная на уничтожение; нам нужно изо всех сил бороться за выживание, если мы не хотим сгинуть. Вторая часть трансформации заключается в изменении «восприятия» людей. Мы хотим, чтобы организация под названием «Аннигиляция» перестала существовать в умах правительственных чиновников и общественности. Только тогда мы будем в настоящей безопасности, а трансформацию можно будет считать успешной.

Поняв скрытый смысл, Ши Цзинь выпалил:

— Правительство планирует избавиться от легальных криминальных структур?

Лянь Цзюнь посмотрел в его широко распахнутые глаза, и по какой-то необъяснимой причине то, что раньше казалось ему тяжелым бременем, сейчас показалось пустяком. Он кивнул:

— Они уже начали — «Черная Роза» была первой. Несколько лет назад «Аннигиляция» и «Черная Роза» обладали одинаковой силой и статусом — мы тоже были одной из тех крупных организаций, которых опасалось правительство. К счастью для нас, мы накопили много капитала, не имели правительственных покровителей, а наша власть была стабильной. Поэтому они выбрали подход «амнистии и вербовки», а не «истребления».

При этих словах сердце Ши Цзиня упало.

Получалось, что в нынешней ситуации «Аннигиляция» стала ножом в руках чиновников в их кампании по устранению других криминальных структур. В качестве награды за то, что «Аннигиляция» «поняла, куда дует ветер», правительство начало с энтузиазмом помогать ей менять способы заработка — иными словами, помогало отмывать грязные пятна преступного бизнеса.

Но если дело обстояло именно так, то «Аннигиляция» была предателем и отступником в преступном мире, мишенью для всех остальных группировок — и это было даже не самое опасное. Когда все закончится и осядет пыль, неужели «Аннигиляцию» — последнюю

легальную криминальную организацию, которая могла угрожать правительству и знала о его закулисных интригах, — действительно просто так отпустят?

Допустим, большинство «отмытых» рядовых членов и предприятий оставят в покое. Но позволят ли жить Лянь Цзюню, Гуа Первому и другим ключевым фигурам?

Ответ был очевиден: «Когда все птицы убиты, луки отбрасывают за ненадобностью. Когда зайцы пойманы, гончих тоже варят в котле».

Трансформация «Аннигиляции» была не просто реорганизацией, а полным внутренним и внешним перерождением. Для некоторых путей к отступлению не было, а дорога впереди отнюдь не обязательно была светлой.

Фруктовый пирог вдруг перестал казаться вкусным, сок потерял сладость, и даже морской бриз начал раздражать. Между бровей Ши Цзиня залегла глубокая складка. Он сказал:

— Цзюнь-шао, а вы знаете, каков исторически самый частый исход для шаек разбойников, завербованных императорским двором в трудные времена? Когда кризис миновал, рядовых членов могли простить и позволить им вернуться в свои деревни, пахать землю и жить обычной жизнью, но главарей банд обычно обезглавливали. Разница лишь в том, что чья-то голова падала с плахи раньше, а чья-то позже. Эта мысль не приходила вам в голову?

Направление мыслей Ши Цзиня удивило Лянь Цзюня — юношу совершенно не волновало, что он по несчастливой случайности взошел на пиратский корабль; вместо этого он переживал за безопасность «главаря разбойников». Его взгляд потеплел. Взяв трубочку для напитков, он легонько ткнул ею в нахмуренный лоб Ши Цзиня и ответил:

— Приходила. Но разве ты не помнишь, что плохой конец ждет не только главарей, но и их приспешников? Минуту назад я сказал, что у тебя есть право выбора. Что ж, вот твой последний шанс: кем ты предпочтешь быть — добропорядочным гражданином или верным псом разбойничьего босса, которого, скорее всего, казнят?

Раз уж Лянь Цзюнь был в достаточно хорошем настроении, чтобы шутить с ним, Ши Цзинь перехватил трубочку, которой тот в него тыкал, и воткнул в свой стакан. Нахмурившись, он одним большим глотком выпил почти весь сок, а затем с жаром выпалил:

— Мой разбойничий босс умен, он наверняка придумал выход. И если мне суждено быть его верным псом, я буду только счастлив! По крайней мере, следуя за вами, я смогу есть восхитительную острую еду!

Губы Лянь Цзюня изогнулись в улыбке, его настроение заметно улучшилось. Он откинулся на спинку кресла и подпер подбородок рукой:

— Нет, ты можешь есть только со мной, а мне нельзя острое. Наслаждаться острой пищей позволено только низкоранговым миньонам.

Ши Цзинь осмелился закатить глаза и указал на кашу:

— Тогда поправляйтесь скорее. Я обожаю острую еду, и вы не можете лишить меня этого удовольствия.

Лянь Цзюнь не удержался от тихого смешка. Его сердце, которое всегда пребывало в тревожной неопределенности, медленно успокоилось. Он посмотрел на Ши Цзиня, затем

перевел взгляд на кашу с морепродуктами, отодвинул ее в сторону и потянулся за наполовину съеденным фруктовым пирогом юноши:

— Мне надоела каша, я хочу это.

Ши Цзинь был ошеломлен его смехом и не сразу пришел в себя. С выражением лица «и что мне с вами делать», он покорно уступил свой пирог.

После этого разговора за завтраком дистанция между ними значительно сократилась. Ши Цзинь стал смелее и начал вести себя более непринужденно в присутствии Лянь Цзюня, и тот молчаливо поощрял это.

В тот же день во второй половине дня все собрались, чтобы обсудить время на отдых и восстановление. Гуа Первый и остальные заметили эти едва уловимые перемены, но ничего не сказали. После собрания Гуа Второй схватил опешившего Гуа Шестого и оттащил его в сторону для долгого разговора.

Поэтому, когда Ши Цзинь подошел к Гуа Шестому за своим пропуском, он обнаружил, что новый коллега смотрит на него как-то странно.

Гуа Шестой выглядел кротким и честным. Он был немного старше Гуа Первого и, по сути, на его глазах Лянь Цзюнь вырос — он души не чаял в нем, заботясь так, как старший член семьи заботится о горячо любимом младшем. И теперь, когда этот драгоценный подопечный внезапно нашел кого-то особенного, в сердце старшего всколыхнулась целая буря эмоций.

— Сяо Цзинь, верно? Тебе... сколько тебе лет? — спросил Гуа Шестой.

Ши Цзинь решил, что странное выражение лица мужчины вызвано тем, что он выглядит слишком молодо, и беззастенчиво солгал:

— Почти двадцать.

Двадцать? Разница в возрасте не настолько велика, чтобы считать её неприемлемой.

Гуа Шестой кивнул и достал чистую карточку пропуска. Он протянул руку к Ши Цзиню:

— Пожалуйста, дай мне свое удостоверение личности, мне нужно внести данные.

Ши Цзинь послушно передал его. Как только документ покинул его руки, он вспомнил, что там указана дата рождения, и его лицо окаменело. Черт, прокололся.

Гуа Шестой уже заметил дату рождения на карточке. Он замер, а затем ошеломленно посмотрел на Ши Цзиня:

— Не слишком ли сильно ты всё округлил?

Ты же стал совершеннолетним всего пару месяцев назад.

— Это мой ментальный возраст, — Ши Цзинь отказался признавать поражение.

Гуа Шестой ввел необходимые данные и с замиранием сердца спросил:

— А насчет Цзюнь-шао... Как думаешь, он старый?

Ши Цзинь растерялся:

— Старый? В этом месяце Цзюнь-шао исполнится двадцать шесть, это совсем не старость.

Ему самому было столько же, когда он умер в своей прошлой жизни.

Глаза Гуа Шестого просияли, и он заговорил быстрее:

— Ты помнишь, когда у Цзюнь-шао день рождения?

— Помню. А почему вы так на меня смотрите, разве это так сложно запомнить? — его реакция немного напугала Ши Цзиня.

Гуа Шестой взял себя в руки, улыбнулся и махнул рукой, показывая, что это пустяки. Он жизнерадостно произнес:

— Сложно не запомнить, сложно захотеть запомнить. Ах да, вот твой пропуск, я выдал тебе наивысший уровень доступа. Иди, отдыхай и веселись.

Ши Цзинь ушел в полном недоумении.

Гуа Шестой удовлетворенно улыбнулся:

— Он сходу вспомнил день рождения Цзюнь-шао — похоже, Цзюнь-шао и впрямь запал ему в душу. Очень хорошо, просто отлично.

На ужин Лянь Цзюнь не захотел идти в столовую, да и Ши Цзиню было лень куда-то идти. Поэтому юноша позвонил на кухню и попросил принести еду наверх, чтобы накрыть стол на террасе.

Лянь Цзюнь не имел ничего против такого решения и с удовольствием занял свое место.

Ужин прошел в приятной гармонии. После этого Ши Цзинь заметил, что Лянь Цзюнь не спешит уходить, чтобы снова зарыться в документы, и в его голове созрел план. Воспользовавшись случаем, он сказал:

— Цзюнь-шао, мы уже на острове. Тот массаж... Не хотите попробовать?

Лянь Цзюнь взглянул на него и ничего не ответил, но выражение его лица оставалось безмятежным.

— Ну же, попробуйте. Я поспорил и проиграл, не стоит просто спускать мне это с рук, иначе я ничему не научусь, — слова самокритики Ши Цзиня звучали весьма высокопарно.

Брови Лянь Цзюня поползли вверх. Он подпер подбородок рукой и спросил ленивым голосом, словно опьяненным морским бризом:

— Почему ты так заиклился на этом массаже, Ши Цзинь?

Утренний разговор немного изменил их отношения. На этот раз Ши Цзинь не стал увиливать, а честно ответил:

— Я хочу осмотреть ваши ноги. Мышцы, которые не используются, атрофируются. Дядюшка Лун сказал, что вы отказываетесь ухаживать за ногами, поэтому я немного волнуюсь.

Лицо Лянь Цзюня слегка изменилось. Он отвел взгляд и сказал:

— Волноваться бесполезно. Я всегда помню о состоянии своего тела.

— Это называется не «помнить», а «опустить руки», — упрекнул его Ши Цзинь, и на его лице появилось редкое серьезное выражение. — Ваши ноги не парализованы. Если привести тело в порядок, нервы перестанут быть такими чувствительными, и последствия исчезнут. Если вы восстановите мышцы ног, то сможете ходить как нормальный человек. Нельзя просто сдаваться в самом начале пути.

— Я таким родился — так решил Бог, а не я, — ответил Лянь Цзюнь, словно уже смирившись со своей судьбой.

— Лянь Цзюнь, нельзя так думать, — Ши Цзинь нахмурился, чувствуя, как у него начинает болеть голова.

Как он и ожидал, Лянь Цзюнь оказался воплощением ужасного пациента — редкие ворчания дядюшки Луна уже намекали на это.

Он плохо ел, а до появления Ши Цзиня даже пил алкоголь, зная, что его желудок этого не вынесет. Он также ненавидел лекарства. Попробовать вылечить такого человека было сплошным разочарованием.

Однако после их утреннего разговора Ши Цзинь подумал, что догадывается, почему Лянь Цзюнь так к себе относится.

Трансформация «Аннигиляции» была стремительной и опасной, как спуск по горной реке: нельзя было допустить ни малейшей ошибки. У Лянь Цзюня не было времени заботиться о своем физическом состоянии, к тому же ему, вероятно, было противно его нынешнее, бесполезное тело. Скорее всего, он намеревался дождаться, когда его братья окажутся в безопасности, а затем принести свою голову на блюде чиновникам, чтобы поставить окончательную точку. Зачем человеку, который уже распланировал собственную смерть, заботиться о своем здоровье?

Лянь Цзюнь заметил обеспокоенное лицо Ши Цзиня; казалось, юноша хотел что-то сказать, но не знал, как. Неожиданно он улыбнулся:

— Ты заботаешься о моем здоровье больше, чем я сам, Ши Цзинь. Скажешь мне почему?

Эта улыбка была очень красивой, но она лишь раздосадовала Ши Цзиня.

— В смысле «почему»? — Ши Цзинь нахмурился. Он бросил взгляд на шкалы прогресса в своем сознании, затем снова посмотрел на внешне равнодушного Лянь Цзюня и сказал: — Я хочу, чтобы вы были здоровы и жили долго. Разве в моем нынешнем положении и статусе это не очевидное желание?

Лянь Цзюнь молча смотрел на него, переваривая этот ответ.

Ши Цзинь тоже молчал. Он размышлял над тем, как улучшить настрой и боевой дух Лянь Цзюня.

— Хорошо. — Внезапно Лянь Цзюнь опустил руку, подпиравшую подбородок, и его редкий расслабленный вид сменился привычной сдержанностью. Он направил кресло к небольшой

комнате отдыха, примыкающей к террасе, и спросил, обернувшись: — Разве ты не хотел сделать мне массаж ног? У тебя ведь все инструменты с собой?

Ши Цзинь вздрогнул, и его глаза загорелись. Он бросился толкать кресло и с энтузиазмом произнес:

— Вот это другой разговор! Пока есть жизнь, есть надежда. Будьте покойны, у меня все с собой, и я сделаю все, чтобы массаж был комфортным.

Инструменты, о которых говорил Ши Цзинь, состояли из трех вещей: массажных приспособлений, принесенных исключительно для вида, лечебного массажного масла, которое дал дядюшка Лун, и небольшой беспроводной колонки для музыки.

Место для массажа обустроили в комнате Лянь Цзюня. Сначала Ши Цзинь приготовил для него горячую ванну. Затем, следуя собранной информации, он попросил принести более мягкий, чем обычно, массажный стол.

Когда все было готово, он подключил колонку к телефону, нашел плейлист с расслабляющей инструментальной музыкой, которую скачал заранее, и нажал на воспроизведение.

В следующую секунду мягкая, неземная мелодия наполнила комнату. В сочетании с шумом далеких волн она успокаивала бушующие эмоции.

Ши Цзинь был вполне доволен. Он мысленно толкнул Сяо Сы:

«Эту колонку мне достал Гуа Второй. Судя по потрясающему качеству звука, она наверняка обошлась в копеечку».

Сяо Сы не ответил.

Слегка обеспокоенный, юноша перестал возиться с колонкой:

«В чем дело, Сяо Сы? Успех этого массажа зависит от тебя, тебе нельзя сейчас идти на попятную».

Сяо Сы: <Ах... Ик.>

Что это за странный звук?

Ши Цзинь нахмурился и тревожно спросил:

«Что с тобой? Неужели возникла какая-то проблема?»

<Нет,> — голос Сяо Сы внезапно успокоился и стал даже немного серьезным. А затем он выпалил со скоростью в два раза выше обычной: — <ЦзиньЦзиньповернисьпрямосейчас.>

Ши Цзинь рефлекторно послушался и врезался прямо в слегка влажную грудь. В нос ударил легкий аромат молочка для ванн.

— Приятная музыка, — Лянь Цзюнь забрал колонку из рук Ши Цзиня, бегло осмотрел ее и поставил на тумбочку. Затем он наклонился вперед, чтобы взглянуть на массажный стол за спиной юноши, почти обняв его при этом, и, скосив глаза, спросил: — Мне лечь прямо так?

Ши Цзинь затаил дыхание. Его взгляд скользнул от ключиц Лянь Цзюня, на которых все еще

блестели капельки воды, к кадыку, а затем опустился на грудь, укрытую черным шелковым халатом. Дальше его глаза опустились на босые ноги мужчины, стоящие на роскошном ковре. И наконец, он снова посмотрел в лицо Лянь Цзюня, окинув взглядом его влажные, растрепанные волосы, и глубоко вздохнул.

Черт возьми, это правда Лянь Цзюнь? Он просто принял ванну и растрепал волосы, так почему же казалось, будто это совсем другой человек? Неужели то, сидит человек или стоит, а также его прическа, имеют такое огромное значение?

Щелк.

Щелчок по лбу привел Ши Цзиня в чувство и заставил посмотреть на единственного, помимо него, человека в комнате.

Лянь Цзюнь опустил руку и, обойдя Ши Цзиня, лег на массажный стол. Свободный подол халата распахнулся, обнажив пару длинных, стройных ног:

— Давай начнем.

И выражение его лица, и голос были спокойными и естественными — словно на расстоянии световых лет от его действий всего секунду назад.

Глаза Ши Цзиня были прикованы к нему, пока тот двигался. Эффект от его появления оказался настолько ошеломляющим, что, хотя Лянь Цзюнь впервые позволил ему увидеть свои ноги, юноша не обратил на них никакого внимания. Вместо этого он уставился на подол халата Лянь Цзюня и спросил:

— Вы... ведь не без белья под ним, правда?

—

Лянь Цзюнь взглянул на него и невозмутимо произнес:

— Ши Цзинь, я искренне поражен тем, как работает твой мозг.

Ши Цзинь смущенно потупился.

Примечания переводчика:

Верный пес (Прихвостень) — gǒutuī (狗头尾) = вариант zǒugǒu (走狗), букв. «собачья нога», часто переводится как «бегущая собака» / «цепной пес». Означает беспринципного человека, который прислуживает или льстит другим, более влиятельным и зачастую злым людям; используется в этом значении со времен династии Цин.

«Когда все птицы убиты, луки отбрасывают за ненадобностью. Когда зайцы пойманы, гончих тоже варят в котле» [杀鸡焉用牛刀] — китайская идиома, или, точнее, две идиомы, означающие избавление от тех, кто помог достичь власти или успеха, после того как они выполнили свое предназначение.

Взойти на пиратский корабль [上贼船] — букв. по ошибке взойти на пиратский корабль; ввязаться в безнадёжную авантюру (потому что пираты не отпустят вас, их конец не сулит ничего хорошего, а теперь вы — один из них).

<http://bllate.org/book/18125/1751715>